

Наука быть свободными

Даниил Данин признавал над собой
только власть слова и бремя стыда

Общая газ. - 2000. - 23-29 марта - с. 13

Не стало Даниила Данина — автора знаменитой «Неизбежности странного мира» и других замечательных книг о физиках XX века. В последние сорок лет никто лучше него не мог написать художественный очерк о людях науки, облечь драму научных идей в форму лихо закрученного сюжета. Он обладал удивительным даром писать о далеких событиях так, словно участвовал в них лично, рассказывать о сверхсложных вещах так, что они становились понятными и ребенку.

До последних дней Данин размышлял о логике развития науки, о границах познания, о смысле научного труда и нравственных основах бытия, свидетельством чему были публикации на страницах «Общей газеты» (последнее данинское эссе об открытии расщепления урана напечатано два месяца назад, № 3). **Беседа с Даниилом Даниным, которую мы предлагаем вашему вниманию, состоялась незадолго до смерти писателя.**

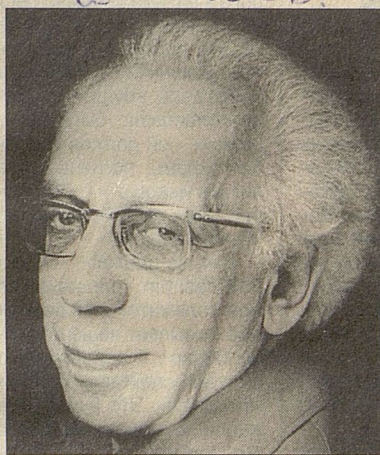
— Ваше «Бремя стыда» вышло недавно вторым, расширенным изданием. Как возникла идея написать книгу о Пастернаке?

— Начну издаেকে. В 67-м году, когда у меня выходила книга о Резерфорде, уже была задумана следующая — о Нильсе Боре. Но ясно, что я не мог, только что закончив одну, немедленно приступить к другой. Возникла пауза. Я решил каждый день что-нибудь писать и действительно в течение года сделал 365 записей. Это нельзя было даже назвать дневником: иногда три строчки, иногда три страницы, иногда одна фраза, иногда — короткая новелла.

Шло время, я совсем забыл об этом, а в 78-м году я вдруг нашел на книжной полке ту тетрадь и перечел. Моя покойная жена Софья Дмитриевна Разумовская была литературным редактором в «Знамени». Я прочел ей этот дневник не дневник, и она сказала: «Знаешь, это лучшее, что ты написал».

И вот там я, в частности, записал: «Я завидую моим друзьям-художникам — у них есть краски и кисти, композиторам — у них есть инструмент, физикам — у них есть лаборатория, есть материал, с которым они работают. Словом, у всех есть две вещи — материал и ремесло. Беда литератора заключается в том, что у него нет ремесла и, в сущности, нет материала. Нельзя считать материалом бумагу, а ремеслом — вожделение по бумаге ручкой. Но у литератора есть слово. Так, может быть, не завидовать, а понять и почувствовать слово — материалом, а ремеслом — обращение с ним».

Когда я начал писать эту книгу... Я, кстати, не знал, что пишу именно книгу. В 80-м году исполнялось двадцать лет со дня смерти Пастернака. Я обо- жал его с детства, потом был с ним в

Даниил Данин

хороших человеческих отношениях — это нельзя было назвать дружбой, но это было доброе знакомство. Я встречался с ним редко, всякий раз для меня это было событием, для него — нет, конечно, но он хорошо ко мне относился. Я подумал: черт возьми, мне уже шестьдесят шесть, нужно записать свои воспоминания о Пастернаке, а то ведь поздно будет — забудешь, помрешь... И я начал писать.

У меня не было никакого плана, но я вспомнил тот опыт ежедневного писания в 67-м году, и абзац за абзацем, страница за страницей под воздействием пастернаковского духа, который словно бы витал надо мной — так я чувствовал, — текст начал складываться.

Я привожу в книге поразительный, на мой взгляд, пример работы Пастернака со словом. Когда-то Алексей Крученых придумал книгу «Турнир поэтов». Все началось с экспромта Маяковского: «Учи ученых, сказал Крученых». И вот герой экспромта предложил поэтам написать стихотворения на рифму «Крученых». Задача трудная. Было много интересных находок, но то, что написал Пастернак, — это суперкласс:

*Пока мне рифмы были в первоучину,
Я не блины из них и был драчен,
Было мучитель их и ныне мученик,
Скорблю о них, спина к спине прикрученых,
И не затем зову их из рекрутчины,
Чтоб в рекруты сдавать тебе, Крученых!*

— Вы рассказываете в книге историю розыгрыша, в котором вы изобразили телефонный звонок «от Пастернака», чей голос умели имитировать. Куда исчезла сегодня эта культурная традиция?

— Розыгрышей было безумное количество. Были мастера, асы жанра — Юрий Олеся, Никита Богословский, Коля Глазков. Исчезла ли эта традиция? Не думаю, может быть, розыгрыши стали другими. Тогда это было формой самопроявления, развлечения с артистизмом. Так как розыгрыши не выходили за достаточно узкий друже-

ский круг, можно было позволить себе большую свободу. Та история была в некотором смысле блистательным розыгрышем. Текстом, который я сим- провизировал по телефону голосом Пастернака, с художественной стороны и сейчас горжусь. Все уже умерли, кто участвовал в этом, — Смеляков, Коваленко, Долматовский, Губер, остался один я...

— В ваших военных воспоминаниях «Тринадцать тихих записей» офицеры спорят (а я понимаю так, что это вы спорите с самим собой) об опыте войны. Один с пафосом утверждает, что «мы узнали и еще узнаем все-все», другой спрашивает: «Для чего нам все это узнавать». Конечно, речь идет не только о войне. Вопрос остается без ответа. Так для чего же?

— Я не знаю, как ответить. Вот Александр Эткинд прислал мне свою книгу «Хлыст». Поразительное исследование. Какие умы, какие таланты — Блок, Белый, Бердяев, Гиппиус, Мережковский — были вовлечены в проблематику хлыстовства, которую точнее всего называть бредовой. Я не могу себя включить в эту стихию бедствий духовных, не могу ответить на те вопросы, которые они себе задавали. Но не уверен, что их следует задавать.

Есть вещи нелепые, но люди не признаются в том, что они нелепые, а отстаивают с особенным пылом. Вот, например, учение Николая Федорова о воскрешении предков — проект оживления покойников оживленно обсуждался и обсуждается. Один мой друг, человек колоссальной учености, тоже вроде бы не чужд этому, но я у него как-то спросил: «Вы действительно считаете, что это об этом можно всерьез говорить?» Он вздохнул и тихо сказал: «Ах, оставьте...»

— Как вы с вашим опытом относитесь к той «жажде порядка», которая охватила страну? Даже до ностальгии: «при Сталине порядок был».

— Никакой жажды порядка в 30-е я не помню. Помню жажду вырваться за рамки жестких до абсурда требований. Было внутреннее страдание от тоталитарных оков, а не жажда порядка.

Я вам клянусь, наше общество при большевиках было более криминализировано, чем сейчас. В те годы слова «беспредел» не было, а беспредел был. Беспощадная последовательность — донос, арест, расстрел.

Существует заблуждение, что в годы моего детства наркомании среди молодежи не было. Еще как была! Был морфий, ребята во дворе показывали мне, как кокаин нюхают. А во двор соседнего дома мы даже заходить боялись: все знали, что там живут воры, наркоманы и проститутки.

Порядок — это прекрасно, никто не спорит, но нас не учили быть свободными. А порядок — это наука быть свободными.

Беседовала
Елена ИВАНЦКАЯ

26